

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ САЛТЫКОВЫХ

Обзор Е. Макаровой

Настоящий обзор представляет собой краткую характеристику салтыковского семейного архива, разыскать и частично собрать который удалось Е. Н. Дубову, Е. М. Макаровой и Н. В. Яковлеву. Богатый когда-то архив рода «столбовых» дворян Салтыковых, хранившийся в их родовом имении в селе «Спасском, что на углу», а также в селе Ермолино в имении И. Е. Салтыкова, тщательно оберегаемый потомками, вскоре после революции оказался в значительной степени расхищенным. Часть материалов видимо безвозвратно погибла. По крайней мере у тех крестьян, на которых указывали, никаких материалов на руках не сохранилось. Но зато довольно значительное количество из исчезнувшей части архива было обнаружено в Дмитровском Краевом музее. Сюда попали преимущественно материалы предков М. Е. Салтыкова: бумаги XVIII в. и ранее (имеются даже XVI в.). Среди разного рода семейных и деловых писем, всевозможных прошений, договоров, условий, отпускных крестьянам на оброк, разного рода документов, в частности касающихся обмена, продажи крестьян и т. д., имеется немало бумаг Василия Богдановича Салтыкова, а также Н. И. Салтыковой, родителей Евграфа Васильевича Салтыкова, родных «дедов» Михаила Евграфовича. Из числа позднейших бумаг (сравнительно небольшого количества) большая часть падает на первую четверть XIX в. — период экономического «оскудения» семьи Салтыковых во время хозяйствования Евграфа Васильевича, затем на период его женитьбы на О. М. Забелиной, период рождения детей. К этой эпохе относятся письма самого Евграфа Васильевича к доверенным крестьянам, переписка его с родными, письма живших с ним его сестер Анны Васильевны и Марии Васильевны, письма к ним других родственников и знакомых и их письма к этим родственникам, деловые письма Евграфа Васильевича, любопытная и весьма характерная для этого времени переписка его с Ольгой Михайловной, письма отца Ольги Михайловны Мих. Петр. Забелина, ее брата С. М. Забелина и наконец письма знаменитого «крестного», принимавшего почти всех детей Ольги Михайловны — в частности и Михаила Евграфовича, — Дмитрия Михайловича Курбатова, который, по словам Ольги Михайловны, предсказал судьбу М. Е. «по совершении крещения сказал, что он будет воин» (письмо О. М. к Д. Е. от 3 сентября 1855 г.). Из бумаг более позднего периода (2-й половины XIX в.), кроме небольшого количества писем и документов, сюда попала Уставная грамота Ильи Евграфовича Салтыкова, младшего брата М. Е. Салтыкова.

В общей массе неразобранных бумаг салтыковского архива, не вызывавшего особенного интереса у работников музея, нами найдено и неизданное письмо М. Е. Салтыкова к родным (см. ниже). Большим почетом в Дмитровском музее пользуются вывешенные в рамках несколько вариантов родословного дерева Салтыковых, составление которого было предпринято Евграфом Васильевичем. Довольно значительное количество вышеописанных материалов получено участниками экспедиции для исследовательской работы во временное пользование и хранится в настоящее время в Академии Наук СССР.

Но гораздо более ценная и большая по размерам часть архива оказалась в Талдомском музее местного края, собранная зав. музеем Е. В. Сосенковой при содействии А. Пономаревой. Помимо разнородных бумаг XVIII в. предков М. Е., подобных вышеописанным (но в гораздо меньшем количестве, чем в Дмитровском музее), сюда попали главным образом материалы XIX в., охватывающие все основные этапы в жизни семьи

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ САЛТЫКОВЫХ

Обзор Е. Макаровой

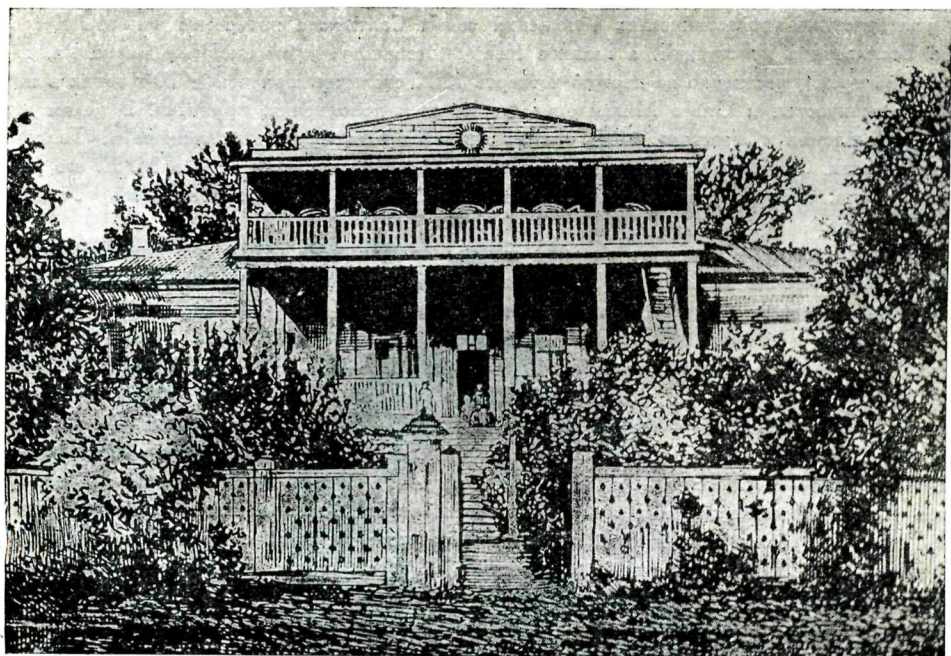
Настоящий обзор представляет собой краткую характеристику салтыковского семейного архива, разыскать и частично собрать который удалось Е. Н. Дубову, Е. М. Макаровой и Н. В. Яковлеву. Богатый когда-то архив рода «столовых» дворян Салтыковых, хранившийся в их родовом имении в селе «Спасском, что на углу», а также в селе Ермолино в имении И. Е. Салтыкова, тщательно оберегаемый потомками, вскоре после революции оказался в значительной степени расхищенным. Часть материалов видимо безвозвратно погибла. По крайней мере у тех крестьян, на которых указывали, никаких материалов на руках не сохранилось. Но зато довольно значительное количество из исчезнувшей части архива было обнаружено в Дмитровском Красном музее. Сюда попали преимущественно материалы предков М. Е. Салтыкова: бумаги XVIII в. и ранее (имеются даже XVI в.). Среди разного рода семейных и деловых писем, всевозможных прошений, договоров, условий, отпускных крестьянам на оброк, разного рода документов, в частности касающихся обмена, продажи крестьян и т. д., имеется немало бумаг Василия Богдановича Салтыкова, а также Н. И. Салтыковой, родителей Евграфа Васильевича Салтыкова, родных «дедов» Михаила Евграфовича. Из числа позднейших бумаг (сравнительно небольшого количества) большая часть падает на первую четверть XIX в. — период экономического «оскудения» семьи Салтыковых во время хозяйствования Евграфа Васильевича, затем на период его женитьбы на О. М. Забелиной, период рождения детей. К этой эпохе относятся письма самого Евграфа Васильевича к доверенным крестьянам, переписка его с родными, письма живших с ним его сестер Анны Васильевны и Марьи Васильевны, письма к ним других родственников и знакомых и их письма к этим родственникам, деловые письма Евграфа Васильевича, любопытная и весьма характерная для этого времени переписка его с Ольгой Михайловной, письма отца Ольги Михайловны Мих. Петр. Забелина, ее брата С. М. Забелина и наконец письма знаменитого «крестного», принимавшего почти всех детей Ольги Михайловны — в частности и Михаила Евграфовича, — Дмитрия Михайловича Курбатова, который, по словам Ольги Михайловны, предсказал судьбу М. Е. «по совершении крещения сказал, что он будет воин» (письмо О. М. к Д. Е. от 3 сентября 1855 г.). Из бумаг более позднего периода (2-й половины XIX в.), кроме небольшого количества писем и документов, сюда попала Уставная грамота Ильи Евграфовича Салтыкова, младшего брата М. Е. Салтыкова.

В общей массе неразобранных бумаг салтыковского архива, не вызывавшего особенного интереса у работников музея, нами найдено и неизданное письмо М. Е. Салтыкова к родным (см. ниже). Большим почетом в Дмитровском музее пользуются вывешенные в рамках несколько вариантов родословного дерева Салтыковых, составление которого было предпринято Евграфом Васильевичем. Довольно значительное количество вышеописанных материалов получено участниками экспедиции для исследовательской работы во временное пользование и хранится в настоящее время в Академии Наук СССР.

Но гораздо более ценная и большая по размерам часть архива оказалась в Талдомском музее местного края, собранная зав. музеем Е. В. Сосенковой при содействии А. Пономаревой. Помимо разнородных бумаг XVIII в. предков М. Е., подобных вышеописанным (но в гораздо меньшем количестве, чем в Дмитровском музее), сюда попали главным образом материалы XIX в., охватывающие все основные этапы в жизни семьи

Салтыковых, начиная периодом ее оскудения, сменившегося затем кратковременным расцветом, наконец — периодом разложения после отмены крепостного права. В Талдомский же музей попала и часть писем М. Е. Салтыкова к родным.

Из прочих бумаг наиболее ценными для характеристики этой эпохи являются письма самой Ольги Михайловны, Евграфа Васильевича, отчасти его сестер А. В. и М. В., братьев М. Е. Николая Евграфовича (этого «постылого» неудачника, которого Ольга Михайловна называла «злодеем», «тираном всего семейства», «мучителем ее сердца», «вредного» влияния которого на М. Е. так боялась Ольга Михайловна¹ и наконец трагическая судьба которого послужила материалом для изображения Степана Владимировича Головлева), Сергея Евграфовича, Ильи Евграфовича, Дмитрия Евграфовича, которого в своих последних письмах Салтыков называет иезуитом, клеузликом, злым демоном и т. д., характер которого использовал при создании Иудушки Головлева, письма сестер М. Е. Надежды Евграфовны (ум. 1844 г.) и Любови Евграфовны (ум. 1851 г.), а также письма других ближайших родственников Салтыковых: Ивинных, Бирилевых, Дураковых и др., письма на французском языке из архива Брюн-де сен-Катрин, письма доверенных крестьян, письма соседей, знакомых и т. д. и т. д. В Талдомский же музей попали и календари с записями Е. В. наиболее важных семейных событий: дней рождений, свадеб, смертей и т. д. Из деловых бумаг помимо чисто биографических наиболее интересны касающиеся крепостных крестьян: различные условия, договоры, документы, отпускные, приказы. Из всей серии этих материалов наиболее выделяется приказ Дмитрия Евграфовича вотчинной конторе Спасского и Семеновского имений, написанный в 1864 г. Из других бумаг разных эпох интересны: абшид Екатерины II Василию Салтыкову, копии прошений Н. И. Салтыковой императору Павлу (1798 и 1800 гг.), жизнеописание Евграфа Васильевича Салтыкова, составленное в 1851 г., т. е. после смерти Евграфа Васильевича, священником с. Спасского, формулярный список службы Д. Е. Салтыкова, проект завещания О. М. (на 22 листах). Довольно значительная часть и талдомских материалов, полученная участниками экспедиции, также находится в настоящее время на хранении в Академии Наук СССР. Наконец третья часть родового архива, включающая довольно разнообразный материал разных периодов, разыскана нами (т. е. Е. Дубовым и Е. Макаровой) при чрезвычайно оригинальных условиях: в Спасском нам удалось натолкнуться на избу, целиком оклеенную салтыковским архивом и даже письмами самого сатирика (!). Обитательница этой избы, бывшей бани Салтыковых, неграмотная крестьянка П. Грязнова, работавшая раньше в имении Салтыковых, как выяснилось из ее рассказов, была последнее время единственной хранительницей богатого салтыковского родового архива, переданного ей родным внуком Д. Е. Салтыкова Евграфом Васильевичем, этим типичным представителем (так же как и его другой брат), когда-то изображенного Щедриным «выморочного рода»², который за какие-то, до сего времени невыясненные дела был найден убитым. После пожара, во время которого сгорел и огромный салтыковский дом³, а также немало пострадал и архив, Евграф Васильевич передал сохранившуюся часть на «хранение» П. Грязновой — матери его жены, местной крестьянки, предупредив ее, что эти бумаги представляют большую ценность, так как дядя его был великим человеком. После трагической смерти Евграфа Васильевича и скрывшегося с какой-то целью другого брата — Сергея Васильевича⁴, не уступавшего в «достоинствах» Евграфу Васильевичу, П. Грязнова осталась полной владельницей этой родовой ценности помещиков Салтыковых. Но так как в ее глазах эти непривлекательные на вид, пожелтевшие от времени («негодные даже на оклейку») бумаги не имели абсолютно никакой реальной практической цены, то она распоряжалась ими по-своему: с удовольствием меняла на газеты (но, по ее словам, ее часто обманывали; так с особенным возмущением вспоминала она какого-то приезжего, который забрал «много разных бумаг», обещал прислать газет «да, так ничего и не прислал»); второй более радикальный способ практического использования архива П. Грязновой — употребление его на топку («Если бы вы не приехали, — говорила она, — я бы и все сожгла; вон изба-то у меня какая холодная... замерзает что ли? Все равно сколько даром растащили» (опять намек на газеты, воспоминания о «приезде» и т. д.). И наконец третий способ «хранения»: около окна,

ДОМ (НЫНЕ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИЙ) В СЕЛЕ СПАС-УГОЛ, КАЛАЗИНСКОГО УЕЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ САЛТЫКОВ

Вид дома в начале 1900-х гг.

Рисунок взят из «Трудов Тверского Педагогического Института» 1929 г., № 5

среди прочих наклеенных друг на друга почтовых листов виднелся и знакомый почерк М. Е.; то же увидели мы на потолке, на стенах. По договоренности с П. Грязновой за известную плату и при обязательном условии «окленть заново газетами» (пачку старых газет и журналов мы подарили П. Грязновой, вернее за нас подарила сельская учительница⁵ для «смягчения» тетки Парасковьи) нам удалось, соблюдая величайшую осторожность, снять с потолка и стен все бумаги, наклеенные в несколько рядов, более или менее благополучно. Вместе с прочими бумагами (письмами О. М. и др.) снято с потолка и со стен, не считая отрывков, 9 писем М. Е. Салтыкова, среди которых одно письмо 1839 г. из Царского Села — единственное лицейское письмо Салтыкова (оно публикуется ниже в статье М. Колоушина «Салтыков в лицее»), затем отдельный акт на Заозерское имение, написанный и подписанный М. Е. Салтыковым, и копия письма М. Е. Салтыкова, написанная рукою Д. Е. Несмотря на то, что эти письма и акт сохранились более или менее полностью, следы пребывания их в таком своеобразном хранилище сказались: многие из них потускнели, пожелтели, видны следы сырости, приклеившейся муки. Кроме этих материалов мы получили от П. Грязновой, преисполнившейся к нам доверием, и остальную часть архива, вытасченную откуда-то из сена — так называемые «остатки». В «остатках» оказались 22 письма М. Е., огромное количество писем О. М. Салтыковой разных периодов, больше всего 50-х годов, письма Евграфа Васильевича, тетенок, в частности Марьи Васильевны и Анны Васильевны, братьев и сестер М. Е., письма разных родственников к О. М. и Е. В., переписка потомков Дмитрия Евграфовича, архив Брюнде сен-Катрин (жены Д. Е.) на французском языке, некоторое количество материалов XVIII в., преимущественно деловых. Среди прочих деловых бумаг и документов, в частности прошения Евграфа Васильевича на имя императора Александра Павловича, одного из проектов завещания Ольги Михайловны, проект о разделе Заозерского имения, различных отпускных крестьянам, условий отдачи крестьян обучению различным ремеслам и т. д. сохранился паспорт, выданный в 1821 г. Сатиру Порфинову холостому «в работу в разные Российские города от подписанного числа впредь на один год». Для

характеристики крепостнических отношений семьи Салтыкова интересны приказы Евграфа Васильевича крестьянам, а главное Ивану Степанову, управляющему имениями, падающие преимущественно на первую четверть XIX столетия, при чем в 20-х годах в них уже вмешивается и Ольга Михайловна, делая свои дополнения, приписки. В целом эта так называемая «Спасская» часть архива является блестящим дополнением к «Талдомской» части. Особенно ценными являются в «Спасской» части отзывы о М. Е. его родных — отца, матери, братьев, качественно превосходящие в этом отношении «Талдомскую» часть.

Переходя теперь к краткому анализу самого «содержания» архива в целом, остановимся прежде всего на письмах М. Е. Салтыкова, извлеченных непосредственно из семейного архива, а также полученных из разных других мест (всего 101 письмо).

Из них по датам: 1839—1; 1844—1; 1848—3; 1850—15; 1851—22; 1852—9; 1853—7; 1854—5; 1855—11; 1856—2; 1856 (57)—2; 1857—1; 1858—2; 1860—3; 1861—3; 1869 (80)—1; 1872—2; 1873—11. По адресам: родителям (общих) — 2; матери О. М.—10; Д. Е.—81; А. Як. (жена Д. Е.)—3; А. Я. Грюнвальд—1; С. Е.—1; И. Е.—3. По местопребыванию: Царское Село—1; Петербург—12; Вятка—65; Ермолино—4; Спасское—2; Тверь—6; Рязань—3; Витенево—2; Москва—2; Заозерное—2. Большинство писем к родным падает на вятский период. Это объясняется видимо тем, что, столкнувшись неожиданно в такие молодые годы с мрачной действительностью захолустной провинции, какой тогда был город Вятка, испугавшись вечного погребения себя в этом болоте, Салтыков естественно обратился за поддержкой к семье, ища у нее прежде всего помощи для своего возвращения из ссылки. Так объясняет это обилие писем и сама дальнотзорная Ольга Михайловна, недовольная видимо прежней холодностью М. Е. к семье, в письме к старшему сыну Д. Е. от 8 октября 1850 г.: «...Бывало Михайло редко писал, а как укусила сырой земли, так милее не стало родителей, недели не пропустит и пишет, неделю не получит от нас и скучает, видно горе умягчает жестокое сердце». Письма вятского периода характеризуют условия служебной деятельности М. Е., условия его пребывания в Вятке, ту обстановку удушающей пошлости, клаяузничества, взяточничества среди чиновничества, о которых с таким отвращением писал М. Е. своему брату. На основании всех вообще писем к родным создается более или менее определенное представление об отношении М. Е. к семье, матери, братьям, его большая тактичность в экономических вопросах, отсутствие практичности, желание быть справедливым по отношению к братьям, особенно к нелюбимым матерью Николаю и Сергею. «Меня поразила еще одна вещь в письме маменьки. Она пишет, что выдает братьям Николаю и Сергею по 10 т. р. с. и по тону ее письма видно, что затем она не будет считать себя обязанной чем-нибудь в отношении к ним, я против этого протестую и буду протестовать всеми силами души моей, все мы равны как братья и, следовательно, все должны иметь равную часть в родительском имении; я писал маменьке в этом духе и просил категорически объясниться насчет того, каким образом полагает она распорядиться своим имением», пишет М. Е. Д. Е. от 7 августа 1850 г. В другом письме Д. Е. (от 16 сентября 1850 г.): «Более всего меня мучит участь брата Сережи... Во всяком случае я беру на себя всю ответственность по отношению к нему, если он из имения маменьки не получит часть по крайней мере равную этим деньгам и в несчастном случае обязуюсь выделить ему такую часть из своего имения, если у меня у самого что-нибудь будет». К фактам того же порядка относится отказ М. Е. от отцовского наследства, о чем с большим восторгом писала и О. М. к Д. Е.⁶ Характерно наконец отношение М. Е. к крепостным крестьянам: «Я прошу еще у маменьки, чтобы вместо женитбы Платона выпустили его на волю, он служит так давно, что пора знать и честь; и употребу в этом деле такое настояние, что надеюсь на успех» (Дмитрию Евграфовичу 7 августа 1850 г.). Для характеристики родственных взаимоотношений братьев Салтыковых любопытны письма М. Е. 70-х годов, написанные по поводу раздела Заозерского имения. Считая виновником всей происшедшей на этой почве семейной драмы Д. Е., того самого, к которому он в бытность свою в Вятке писал такие дружественные письма, М. Е. в письме к матери 9 марта 1873 г. писал о нем: «Это мой злой демон, который раздельным актом расстроил меня со всем семейством»; «все это обещает много хло-

пот,— пишет он в другом письме к О. М. от 7 апреля 1873,— для меня, который постоянно от всего отстранялся и жертвовал своими выгодами ради спокойствия, но злой дух, обитающий в Дм. Евгр., неутомим и вероятно отравит остаток моей жизни».

Помимо писем самого М. Е. несомненную ценность представляет и весь остальной архив. Прежде всего интересны разумеется те многочисленные упоминания и отзывы о нем, характеристики, наконец воспоминания о детских годах, о каких-нибудь случаях, связанных с ним, которые имеются в письмах его родных: отца, матери, братьев, сестры (Л. Е.). Так например, в письме к Д. Е. 1852 г. (окт.) О. М. делится с ним воспоминаниями: «...Как бывало вспомню покойного Дм. Мих. Курбатова, вашего крестного, покойный папенька ему раз жаловался на Мишу, что больно резов, вот говорит у меня

Е. В. САЛТЫКОВ — ОТЕЦ САТИРИКА

Миниатюра начала XIX века

Центральный Литературный Музей, Москва

Сережа умница тихий мальчик, кроткий, а этот-то озорной, буйная голова, все шалит, а Курбатов ему в ответ, смотри тихонький-то исподтишка все себе на уме, вспомни меня, а этот прямо нескротно резвится, вить так и сбилось...» Основным моментом в отзывах О. М. о М. Е. являются все же ее жалобы, недовольство на его недостаточную привязанность к семье. «...Михайла да будет плательщиком за всех нас, что он так оскорбил и посеял столько горести... о нем все страдали, хлопотали и домогались... и что же узрели возвратившего волка, алчущего разорвать узы родства, попать нашу любовь» (письмо к Д. Е. от 2 сентября 1856 г.). Правда, среди ее отзывов имеются и восторженные, вроде приведенного выше по поводу его отказа от наследства отца, но все же мотив недовольства сквозит гораздо чаще. Весьма характерны и упоминания о нем его братьев, например Сергея Евграфовича в письме к Дмитрию Евграфовичу (от 12 октября 1856 г.): «Прошу вас поздравить и брата Михайлу, сам же я не пишу, потому что не хочу быть названным малоумным», или Ильи Евграфовича, писавшего о М. Е. к Д. Е. по поводу раздела Заозерского имения; «Странный человек! не знаю чего хочет! Во всяком случае вот какого многоголового орла мы из себя изобразить имеем!»... И т. д.

Помимо биографической стороны архив интересен еще и тем, что он раскрывает перед нами ту подлинную «реальную» пошехонскую старину на различных этапах ее экономического развития, начиная с незыблемости крепостнических устоев и кончая ее разложе-

нием, блестящим разоблачителем которой явился М. Е. Салтыков как в «Пошехонской старине», так и в «Господах Головлевых». Наиболее характерным и показательным материалом в этом отношении являются многочисленные письма Ольги Михайловны. Ее письма — эта подробная история салтыковской семьи со всеми ее экономическими сдвигами, с типичными для всякой патриархально-поместной дворянской семьи этого периода семейно-бытовыми, морально-религиозными устоями, нравами, предрассудками. Доминирующими темами ее обширных писем являлось описание своих приобретательских походов, собственных достижений (нередко упреков в сторону своего недалекого, непрактичного мужа), описание многочисленных тяжбных дел, хлопот по покупке тех или иных имений, различных поручений как доверенным крестьянам (в частности Антону), так и нанятым специально «ходакам» по тяжбным делам (напр. Берсеневу), жалобы на свое несчастное положение «труженицы», не видящей у семьи благодарности (это особенно часто повторяемый мотив), распоряжения относительно крепостных крестьян, их характеристики. Особенно интересны в этом отношении ее письма конца 50-х годов в период ожидания реформы, жалобы на неблагодарность облагодетельствованных ею крестьян, требования от сыновей, в том числе и от М. Е., оградить ее от обидного, оскорбительного, как ей кажется, поведения их, характеристики семейных отношений, характеристики собственных детей, всяческие поучения им и т. д. и т. д. По сравнению с ее конкретными, реальными, показывающими очень часто ее тонкую психологическую наблюдательность письмами письма Евграфу Васильевича отличаются бесцельностью, формальностью... «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет» — вот основной лейтмотив его писем к детям, в особенности к Н. Е., которого он тщетно пытался воспитать в морально-религиозном духе. Из писем братьев М. Е. наиболее интересны по содержанию и особенно в стилистическом отношении письма Д. Е., этого «живого» Иудушки — в детстве покорного и послушного сына, а впоследствии «лицемера», «празднолюбца», как называет его М. Е. в своих письмах к матери и брату И. Е. Интересно для характеристики Д. Е. в этом отношении его письмо к жене А. Я. от 1 октября 1845 г., в котором он, посылая ей копию написанного им исключительно почтительного и нежного письма к родителям (Е. В. и О. М.), якобы от имени Аделаиды Яковлевны, сопровождает следующими наставлениями: «запечатارش ты, мой добрый друг, это твое письмо черным сургучем, которым печатай также и все твои письма ко мне. Папенька и маменька повидимому перестали уже не благоволить к нам и Бог даст со временем наши неприятности кончатся. Здесь нужны вера в милосердие Божие и большое терпение. Бумага не может всего передать, но при личном моем с тобой свидании ты все узнаешь, а теперь только прошу тебя во всех моих письмах говорить им поболее нежностей и, если возможно, то время от времени посылать им особые письма. Хорошо, если бы ты кроме этого предварительного письма прислала им еще два поласковее. Это не испортило бы, а напротив того улучшило бы ход дела...» Показательны его письма и к матери, начинающиеся обычно: «Бесценный и добрый друг маменька» или «бесценный и милый друг маменька» и кончающиеся целым лексиконом ничего не значащих слов (например письмо от 23 декабря 1870 г.): «Душевно буду рад, если Господ Бог позволит нам осуществить это наше намерение и опять увидаться с Вами, милый друг маменька. В ожидании же этой радостной минуты, вновь от всего сердца желаю вам всех благ от Господа, поручая себя и всех моих детей Вашим праведным молитвам пред Богом, прошу всем нам Вашего родительского благословения. Целую Ваши ручки и с чувством глубочайшего почтения и совершеннейшей сыновней любви, остаюсь навсегда преданный Вам всей душою послушнейший и покорнейший сын Ваш Д. Салтыков»¹.

Но все же исключительным образцом «Иудушкинова» пустословия является его наказ вотчинной конторе Спасского и Семеновского имений (1864), написанный перед отъездом в Петербург, как он пишет, на неопределенное время. Написан наказ на 54 стр. полулитровой тетради. Всего 93 пункта. В этом наказе, комическом по содержанию и по стилю, раскрывается вся психология этого словолюбивого «хозяйственного» помещика, учитывающего каждую мелочь в свою пользу, рекомендующего без зазрения совести отдавать на харчи «должностным и работающим людям» порченную провизию «дабы она и труд, употребленный на заготовление ее, не пропали даром без всякой для меня пользы», не

поленившегося исписать 54 стр. для того, чтобы рекомендовать, какое количество и каких свечей нужно отпустить во время его отсутствия для церковной службы, сколько муки и какой употреблять на печенье просфор, какой тес и сколько досок отпускать на гробы (в случае чьей-либо смерти), какие и как распиливать дрова, что делать с остатками, как лесным сторожам производить обзор, как приучать собак «чтобы они никуда не отлучались», и т. д. и т. д.

Итак, найденный архив ценен прежде всего: 1) для составления научной биографии Салтыкова (до сего времени, как известно, ее выводили из «Пошехонской старины»);

О. М. САЛТЫКОВА — МАТЬ САТИРИКА

Портрет 1860-х гг.

Местонахождение подлинника неизвестно

2) как ценнейший материал для комментария к его художественным произведениям, в частности к «Пошехонской старине» и «Господам Головлевым» и 3) как материал для истории крепостнических отношений, для истории разложения крепостнически-дворянской семьи и т. д. Для наглядности привожу несколько образцов из архива:

- 1) Приказ крестьянам Е. В. Салтыкова от 7 января 1807 г.
- 2) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 21 марта [1850] г.
- 3) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 4 апреля [1850] г.
- 4) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 25 февраля [1852] г.
- 5) Письмо М. Е. Салтыкова — Д. Е. Салтыкову от 28 июля [1852] г.
- 6) Письмо матери О. М. (в сокращении) от 8 марта 1858 г.
- 7) Письмо Д. Е. сыну Е. Д. (в сокращении) от 12 ноября 1873 г.

I

7-го Января 1807 г. Москва.

Лебедянской моей вотчине деревни Скороварова.

Прикащику Ивану Познякову и всем крестьянам.

ПРИКАЗ

По получении сего моего приказа немедленно собраться всем крестьянам на мирскую сходку и со всех тех крестьян, на конх есть недоимки положенного господского запаса,

взыскать вдвое недобранного, и на ком есть более недоимки, того крестьянина, наряда с нарочною подводю присылать ко мне с сим недобранным запасом немедленно. Если же за свои недоимки пожелают они внести деньги, то взыскать с них за утку по 25 ко., за поросенка 25 ко., за Гуся 50 ко., за каждой фунт коровья масла по 20 ко., которые деньги собрав все сполна присылайте ко мне по почте в Москву, и если впредь кто будет ослушиваться и не давать положенного господского всякого запаса, у того крестьянина взяв при мирской сходке его имущество, какое он имеет, наискорейшим образом хоть за дешево продать, а следуемые за недоимку по расчету деньги ко мне прислать, а сверх того ослушника на мирской сходке высечь нещадно, и сие мое повеление наблюдать в самой точности, прикащику же поступать со вверенными ему крестьянами честно и добропорядочно, а всем крестьянам быть ему совершенно послушными, и все господские работы исправлять со всевозможным рачением и усердием, если же найдется кто виноватой, того на мирской сходке разобрав нещадно наказывать и меня о том после при случае уведомлять, о чем предписывает вам помещик ваш Евграф Салтыков.

Если же будут какие-нибудь Государственные сборы в Казну, провиант, деньги или что прочее, то собирать оное с крестьян, а до господского хлеба и прочего не касаться, за отданного же в рекруты Ермилова сына рекрутские деньги все сполна с крестьян и из стола взыскать и ко мне по почте в Москву доставить.

II

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

21 марта [1850 г.] Вятка.

Пользуюсь и еще раз случаем, любезный друг и брат, чтобы беседовать с тобой и поздравить тебя с наступающим днем твоего рождения. Желая тебе от всей души провести его как можно приятнее и спокойнее в кругу своего семейства. Я получил от маменьки письмо, которое ты, вероятно, знаешь, и в котором она пишет мне, чтобы я не адресовал ей более писем в Петербург. Не знаю, застанет ли ее в Петербурге это письмо мое к тебе, но во всяком случае ежели застанет, то прошу тебя сказать ей, что я, вместе с тем, пишу ей письмо во Спасское, как она и приказывала мне. Я писал маменьке в одном из предыдущих писем о моем долге тебе, и просил ее уплатить его с вычетом из моего жалованья, но ответа на это письмо еще не получил. Так как долг этот весьма меня озабочивает, то прошу тебя уведомить меня, исполнила ли маменька мою просьбу, чтобы я мог принять какие-нибудь меры.

Что касается до моего возвращения из Вятки, то я уже начинаю не верить в осуществление его; хотя я положительно просил маменьку определенно уведомить меня, было ли что-нибудь предпринято ею в этом смысле, но из письма ее я ничего не вижу, кроме обнадеживания, что тяжкому моему положению будет когда-нибудь предел; из советов же ее касательно моей службы, я напротив, должен видеть, что предел этот не скоро настанет. А между тем для меня моя участь с каждым днем делается все более и более несносною; я изнываю и нравственно и физически, и не знаю, к чему я буду способен, если это пленение души моей будет продолжительно. Теперь у Вас, я думаю, распутица в полной форме, а у нас еще зима и судя по холодам, едва ли скоро наступит весна. Я уж около полугода или более не получал писем от Милютина да и сам перестал ему писать. Сделай одолжение, хоть ты не забывай обо мне, ибо всякое твое письмо доставляет мне истинную радость. Лето я еще не знаю как проведу, но по всем вероятностям скучно, потому что из Вятки все те, с которыми я больше близок, разъезжаются и между прочим губернаторша едет в Петербург. Сделай милость, узнай, правда ли, что в Вятку назначена сенаторская ревизия, как об этом разнеслись слухи, и кто именно из сенаторов назначен.

Сделай милость, передай мой искренний братский поцалуй сестрице Адели и поздравь ее с новорожденным. Детей также всех до одного крепко цалую, а Ее Превосходительству Каролине Петровне и Алине Яковлевне свидетельствую глубочайшее почтение. Я несколько

Sept. 8. 1848.

[illegible]

мислов, докато тукво е убоавено на
поуки Справно недов, но ако недов
наш в расказы при откровении шифра
Методури.

Удобно е брату (м. е. форма) да се убоави
идеята о канцелярии, как старо судиш и шиф
идеята, в които е с тукво канцелярии, шо
суде и шифра е в убоавен недов. Не е
наш подготви наши судиш и шифра
Методури до поуки шифра, шо рас
порядиш судиш и шифра. Не е
суде, шо тук не е канцелярии шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас

порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас
порядиш. Не е канцелярии, шо рас

ко раз писал к Грюнвальду, а от него не получил в ответ ни одной строки; не знаю как это толковать, но только такая манера довольно странна.

Прощай, любезный друг и брат, не забывая искренно любящего тебя брата

М. Салтыкова

III

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ

4 апреля [1850 г.] Вятка.

Извини меня, любезный друг и брат, что я не во время поздравляю тебя и все твоё семейство с прошедшим днем твоего рождения, ты можешь быть уверен, что я от того не менее люблю тебя. Сейчас получил от маменьки письмо, которым она извещает меня об отъезде своем из Петербурга; думаю, что она в настоящую пору уже в деревне и потому пишу к ней прямо туда. Маменька пишет, что относительно моей участи ей еще ничего решительно не известно, и что ты обо всем меня уведомишь. Из этого я должен заключить, что маменька предпринимала что-нибудь в мою пользу, но все это так темно и неопределенно, что составляет для меня только предмет страданий и сомнений. Меня интересуют в этом деле самые мелкие его подробности, потому что оно слишком живо меня касается, а мне пишут только что ничего еще решительно неизвестно. А между тем мое положение делается совершенно невыносимым не столько потому, что я сослан в Вятку, сколько потому, что в самой Вятке все обстоятельства так слагаются, что вся жизнь моя постоянная и нестерпимая мука. Неужели, наконец, и два года мучения не могут искупить нелепой и ничтожной повести.

Маменька еще пишет, что не может выслать мне денег ранее мая, потому что страдает денежною чухоткою. Я, напротив, всегда и думал, что она в этом случае скорее подвержена водяной, а оказывается совсем иначе. Впрочем, она тут же отказывается, что ты коротко знаешь ее обстоятельства и потому я прошу тебя убедительно растолковать мне причину такого необыкновенного безденежья, тем более, что мне надобно же чем-нибудь жить. А по-моему, лучше всего было бы отделать всех; тогда всякий бы рассчитывал только на то, что у него есть, а то насуют золотые горы да потом и утягивайся, так что нет возможности распорядиться своею жизнью определенным образом. Во всяком случае, я рад, что она согласилась уплатить тебе долг мой, и прошу уведомить, исполнила ли она это, как пишет мне.

Благодаря тебе за все твои хлопоты и беспокойства по моим делам, мне чрезвычайно советую затруднять тебя всем этим и поверь, что все твои одолжения глубоко запечатлены в моем сердце. Я получил сегодня письмо и от Милютина и обрадовался этому, думая видеть в нем что-нибудь по своему делу, но оно оказалось исполненным такой великолепной чепухи, что мне стало совестно читать.

Сделай одолжение, поцалуй за меня добрую сестрицу Адель и всех твоих малюток, которых я люблю и которым, надеясь скончать дни свои в девстве, торжественно завещаю две пары подсвечников, зрительную трубку, серебряную цигарочницу, (все это мною получено от тебя) и все свои долги, ибо, судя по расположению родителей, умру как Вольтер-Голяк.

Прощай, любезный друг и брат, не взыщи на несколько небрежное письмо, и не забывай искренно тебе преданного

М. Салтыкова

IV

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

25 февраля [1852 г.] Вятка.

Благодарю тебя, любезный друг и брат, за память обо мне и за твое письмо. По письму моему к князю Чернышеву я имел уже официальное известие уже в половине января, а именно министр внутренних дел предписывал объявить мне, что письмо это

было передано на его усмотрение и он не нашел со своей стороны возможным за сделанным Государем отказом о переводе меня в Оренбург, ходатайствовать вновь об освобождении меня. Следовательно, просьба моя осталась втуне и надежды на освобождение из Вятки еще более охладились. Признаюсь тебе откровенно, что судя по этому я даже начинаю верить в возможность остаться в Вятке на целую жизнь, потому что нет резона к моему освобождению, ежели оно до сих пор признается невозможным. Эта перспектива до того ужасна, что у меня волосы дыбом становятся при одной мысли об ее осуществлении. Надобно знать, что такое за город Вятка, чтобы понимать всю горечь моего положения. На днях из министерства нашего из департамента Милютина последовал запрос о том, в каком положении находится здесь дело об описании городов. Губернатор ответил, что, за занятиями по должности советника, я не имею решительно никакой

Д. Е. САЛТЫКОВ — БРАТ САТИРИКА

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы, Ленинград

возможности заняться этим делом, и он полагает возможным двинуть это дело только с увольнения меня с должности советника и причислением к министерству внутренних дел, поручив мне это дело и назначив соответствующее содержание. Не знаю, будет ли иметь успех это представление, но признаюсь, было бы чрезвычайно желательно, потому что я через это все-таки поставлен был бы в некоторой степени в независимое положение, как министерский чиновник. Впрочем, пусть будет что будет; вероятно и тут найдутся препятствия.

Как-то приводишь ты время? Маменька писала мне о вновь сделанном ею приобретении части кн. Волконского, но как я никогда не вникал в эти дела и не знаю их, то признаться сказать, не могу определить выгоды или безвыгодности этой покупки, а рад тому, что маменька считает повидимому это дело не безвыгодным. В настоящее

время на почте есть на мое имя от маменьки письмо, но как оно с деньгами, то я не могу получить его скоро и не знаю его содержания. Вижу только, что оно из Москвы, а потому и предполагаю, что она живет там проездом к Вам, как собиралась прежде.

Сделай милость, поцалуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси ее не хворать. Впрочем, кажется, эта хворость, свойственная всем замужним женщинам, и я надеюсь в скором времени услышать об окончании ее вместе с вестью о прибавлении твоего семейства.

Поцалуй от меня также детей и братьев. Прощай, любезный друг и брат, прошу тебя не забывать искренно тебе преданного.

М. Салтыкова

V

М. Е. САЛТЫКОВ — Д. Е. САЛТЫКОВУ.

28 июля [1852 г.] Вятка.

Давно уже, любезный друг и брат, не писал я к тебе, да и от тебя, Впрочем, не получал никакой вести. Все это время почти (с июня м-ца) я был в разъездах по губернии, исполняя известное тебе поручение, возложенное на меня министром. Маменька, кажется, очень рассердилась на меня за письмо, которое ей неожиданно попало в руки, и так как я действительно был неправ против нее, то и сознал себя виновным. Впрочем, надо сказать и то, что личного моего недоверия к ней я не имел и не имею, а опасался только за Сережу. Бог даст, все это устроится к наилучшему концу, и я безгранично рад, что в семье нашей водворяется мир и согласие. Что сказать тебе хорошего о себе? Живу я по-прежнему, очень очень скучно, тем более, что мне общество здешнее до крайности надоело, и я большую половину моего знакомства совершенно оставил. Живут здесь одними баснями да сплетнями, от которых порядочному человеку поистине тошно делается. У нас есть от вашего министерства ревизор, который порядочной-таки кутерьмы наделал. Управляющий палатой уж уехал от него в Петербург, а прочие обильные потоки слез проливают. Впрочем, надо сказать, что ревизор производит неслыханные вещи: говорит в глаза чиновникам, что они мерзавцы и взяточники, и говорит это при всех в самой Палате. Чудеса да и только. Дал Палате предложение об одном волостном голове; просит: а) о поступках его произвести следствие, б) предать его суду и в) созвать волостной сход и при сходе сорвать с него галуны и снять кафтан. Каков сумбур! И следствие-то произвести, и судить и наказывать — все разом. К сожалению между действительными каналами, есть и действительно порядочные люди, которые могут пострадать от взбалмошности и раздражительности г. Брилевича. Между прочим, ежели ты все еще продолжаешь служить в Лесном департаменте, то нельзя ли помочь Глазовскому лесничему Сушинскому, на которого Брилевич поднял гонение за дела минувшие не взяточнические, но состоящие в несоблюдении военной дисциплины. Слова нет, что Сушинский виноват, но уж если его гнать, то прочих остается только вешать, ибо, конечно, это один из немногих честных чиновников здешнего управления гос[ударственных] им[уществ], не говоря уже об лесничих.

Пожалуйста поцалуй от меня добрую сестрицу Адель и попроси не забывать меня. Детей я также от души и крепко цалую. Прощай любезный друг и брат; желаю тебе быть здоровым и прошу не забывать искренно тебе преданного

М. Салтыкова

VI

О. М. САЛТЫКОВА — Д. Е. и М. Е. САЛТЫКОВЫМ.

8 марта 1858 г. Калязин.

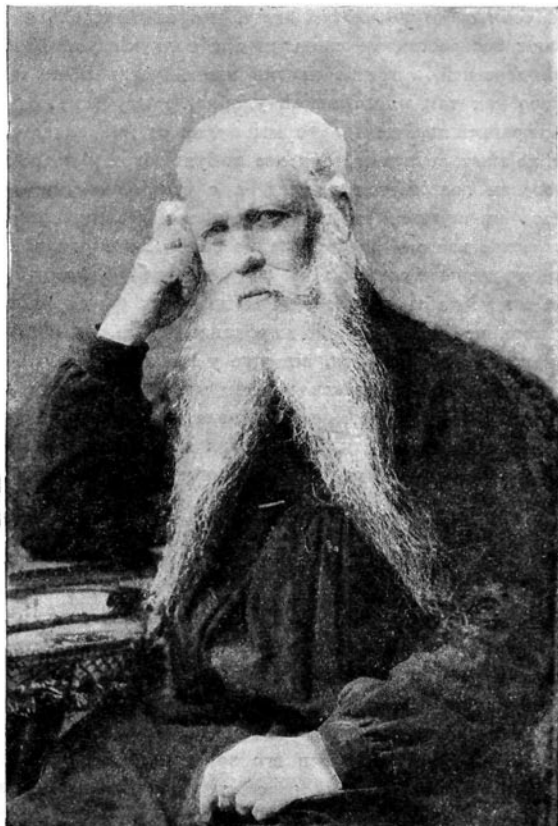
Друзья мои милые Митя и Миша!

Пишу я к вам обоим прямо из Калязина, куда с Сережей приехала повидаться с Ив. Ник. и Дм. Ник. Шуб. — и поговоря спешу к вам обоим писать вот что: так как поло-

И. Е. САЛТЫКОВ — БРАТ
САТИРИКА

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы,
Ленинград

жение о крестьян[ах] сказано в Указе о землях, кои им будут принадлежать, всякие промены по взаимному согласию должны быть, то вы знаете, что с ними ничего сделать будет невозможно. Они, если бы видели даже и хорошо и полезно для них уже не согласятся нарочно, дабы ничего не сделать Помещику угодного, вот уже мое управление всем и каждому известно и сами они признают всю мою добродетель до них, сколько я пеклась о них, как я их обстроила, улучшила, чем только ни помогала, сколько снисхождения, наконец их можно сказать привела состояние в прекрасное положение и строение и скот и хлеба и деньгами всем обжились дай бог да и не скоро найдешь подобных им, можно по-русски сказать жирные мужики, и ныне не взирая подарила им лесу, что же как они меня за этот подарок отблагодарили, отказались и не взяли, не поехали за лесом, выдумали что я будто как они привезут, то отберу себе, или взыщу деньги за них, и именно Ермолинские и Станковские — и наконец десятс[кой] деревенской объявил в конторе да мы будем вольные, я и в контору не стану ходить, разумеется после спохватился и стал извиняться, но между тем послушание в некоторой степени проявляется от них и заметно что их только сдерживает моя до них добродетель, знаю, что их никто не одобрит и своя братья, я же чтобы поддержать сколько возможно мир и тишину удерживала все терпением и переносом на себе, жалея их подвергнуть их ответственности, усматривая это вижу, они не помянут моей добродетели, а как вы знаете что моя усадьба рядом против конторы их и тут огороды впереди против где живет Федор мой они отнимут у меня и вся усадьба окружена их пашней, значит веки жить придется окруженными ими на их издевание над нами, они ни за что не уступят нам ничего на-смех, ты Миша был летом, стройку видал если запомнишь дом Екима, как ехать к Егорью против повороту тут проулок и пойдет дом Екима, а до проулка тут 7 или 8 домов к моей усадьбе близко, то всю деревню сносить не желаю бог с ними, но эти дома 7 или 8 я желаю удалить

от себя особенно теперь вижу, что они нисколько не помнят о моей добродетели и делают беспрестанные сходыбища и толкуют втихомолку, поля их одно к Егорью, другое за деревней, а третье против нашей усадьбы, то снести эти дома в Ширятино и Бабиново как там много земли удобно, а эту землю и это против дома поле оставить нам по крайней мере не только мы будем от них подальше, приняться мне самой их переносить я не могу решиться, они все взбунтуются и не пойдут, как они все в родстве и другие деревни поднимутся за них, а с выбереженными трудно ладить мужиками, я согласна дать им нужное на прибавку число леса и помощью всех деревень их бы перевести строение всего в расстояние не более 2-х верст или трех, даже не взирая, что они сами имеют деньги согласна бы дать на каждой дом по 100 р. серебром, только бы удалить их от усадьбы подальше, да и для них бы было хорошо, ибо там лишняя земля, а в Ермолине они теснее по народонаселению, но я ничего не в силах сделать не берусь, и знаю, что они упрутсся, вот уже у них и был случай Истомкиной крестьяне сами просили барыню свою перевести их так мало земли, она все хотела сделать теперь не слушают не едут и даже дров ей возле нас деревня не хотели вести, принуждена была дать знать земскому суду, так я видя все это боюсь их шевельнуть, притом же они у меня состоят в залоге, надо чтобы совет дозволил, конечно я надеюсь, что совет разрешит мне, ибо платеж у меня всегда исправен, но главное я опасаясь их послушания и к этому у них ветренны мельницы в Ермолине есть, голова моя кругом идет, вот Истомкиной что сказали: не поедет не то время пришло, мы вам дом оставим, а сад ваш себе возьмем, ну как у нас новая усадьба, пожалуй они все придумают злое, так как все ваше общее, так вам пишу примите меры сами для себя, мне советую написать к министру письмо изложить все и просить его, чтобы правительство не оставило распорядиться приказывать их переселить. Я сама первая одумала так, что бы сообщить вам и особенно тебе Миша объясниться прямо с министром и если необходимо, то составь от меня просительное письмо, пришли мне, я переписавши его пришлю тебе и ты сам вручи министру и проси его ходатайства оказать эту милость, от правительства предписать кому следует их перевести, иначе я не ручаюсь, что усадьба Ермолинская будет уничтожена я даже не ручаюсь, что они взволнуются и мне решительно ничего нельзя делать, они видя от меня всегда снисхождение, бережливость и попечение о них, увидя перемену, что я их удаляю от себя, а скажут вот как она хочет делать, теперь ей не жаль нас и взволнуются тем более, что они верить не хотят, а прямо так и думают вся дача будет им принадлежать, положение мое незавидное, как то летом наши поля будут ли убирать и петровские оброки, да сохранит Господь их и нас от тревоги. У нас по предписанию Министра внутренних дел делали статистику господским усадьбам. Пашни господ. и крестьян., но их усадьбу не описывали только сколько душ тяглого скота их и посеву,—не знаю почему оставлена и не описана их усадьба. Я показала все как есть полагаю что конечно эта статистика будет виду при комитетах, но вот что на особенно каждого будет показано описание, а составит общий итогом то хотя каждого описание у земс. суда и будет виду, но к Министру пошлетсся общая в таком случае я решаюсь в Комитет описание подробного представить от себя ибо у меня дачи огромного их владения они хлеба сеют много покосов много так что ничтожной мой с них оброк они часто сеньем уплачивают, много им помогает дача наша, хлебом изобилуют скота изобильно одним словом и самые бедные нищенства не имеют, бережены мужички и составляю статистики и планчик нашей усадьбы и с будущей почтой вышлю вам страховым все в случае можешь представить Министру. Если найдешь нужным, не идти на ровно с такими у коих всего в обрез, будет обидно, тут есть воля обсуждение Комитета по крайней мере мы должны представить на вид все как есть по всей справедливости, вот я вам теперь описала все пока, а в среду вышлю страховое с копией статистики и плана моей усадьбы, равно и вновь заведенной усадьбы на пустоши Калининке моей, где также мужики деревни Станков имеют пашню, постройки нет. Это как к Егорью переедешь мост сейчас направо за поповской землей совершенно особо, я боюсь чтобы они меня и там не прижали я им за эту пашню отдам ныне же в другом месте, земля вся при имении в залоге, а по Ермолино у меня в поле 2 десятины пашни пожалуй и эту отнимут в самом грустном я нахожусь положении, как хотите

сами для себя хлопочите оградить вас, будьте все здоровы целую вас и милую Аделинку, Лизу, Катю и девочек. Христос с вами да хранит вас Господь своими Благословеньем и моим любящая мать и друг Ольга Салтыкова.

Наверху письма приписка: «ради бога скорее отвечайте».

В конце письма приписка о поручении достать канвы.

Привожу в сокращении письмо Д. Е. к сыну Е. Д. от 12 ноября 1873 г. в ответ на умоляющее письмо последнего от 10 октября 1873 г., просившего помочь ему уплатить какой-то позорный для него долг, хотя бы за счет суммы, полагающейся брату, и заканчивавшего письмо следующими словами: «простите же мне мое гадкое поведение, не отвертывайтесь, отвечайте поскорее на это письмо. Прошу Вашего родительского благословения. Целую Вас и Надю и остаюсь весь и во всем в Ваших руках.

Любящий Вас сын

Ваш Граф».

VII

Д. Е. САЛТЫКОВ — Е. Д. САЛТЫКОВУ.

12 ноября 1873 г. С. Спасское.

Напрасно ты, любезный друг Граф, тяготишься, что весь и во всем находишься в моих руках. Мои руки до сих пор ничего, кроме хорошего детям моим не делали и только постоянно охраняли их от всего скверного и всякого рода безобразий и несчастий.

Смею уверить тебя, что если бы моя жизнь не была еще нужна для моих детей, то господь бог призвал бы меня к себе уж давно и быть может, вслед за твоею правед-

Е. М. и К. М. САЛТЫКОВЫ —
ДЕТИ САТИРИКА

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы
Ленинград

ною мамою, чтобы не разрывать той самой чистейшей, святой любви, которую мы оба в течении всей нашей брачной жизни постоянно питали друг к другу и о которой ты, к сожалению моему, не имеешь даже и малейшего понятия. Желание твое я исполнил, насколько мог и по нынешней же почте выслал твоему брату Мише пятьсот рублей серебром в счет обещанных ему мною на свадьбу четырех тысяч рублей серебром, но даст или не даст тебе эти 500 руб. брат взаимы я предоставляю собственно его доброй воле. Душевно желаю, чтобы ты перешел в Гвардию и очистился навсегда от всей Нарвской и от всей Воронцовской грязи. Пора и тебе жить не потеперешнему, но действительно честно и вполне нравственно. Пора и тебе уметь отличить мишуру от золота и чистоту нравственности от безнравственности...

Да хранит тебя Господь Бог своим милосердием, а Царица наша Небесная своим покровом, все же святые своим заступничеством и дорогая твоя мама своими праведными о всех нас молитвами пред престолом Всевышнего. Посылаю тебе от нее и от себя общее наше душевное родительское благословение, целую тебя крепко, крепко и остаюсь навсегда любящий тебя всем сердцем.

папа твой

Д. С.

Следующие тебе на ноябрь двадцать пять рублей сер. при сем прилагаю.
12 ноября 1873 г. С. Спасское.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То же и в другом письме к Д. Е.: «Скажи ему, что меня огорчает, что он много фантазирует с Николаем, мне очень не нравится. Михайла за мою любовь сильно терзает мое сердце» (8 июня 1845 г.). В письме к Д. Е. от 18 февраля 1843 г. О. М. пишет: «поговори Мише, чтобы он не подражал Николаю и не убил бы меня горестью, я не перенесу, хоть ему приторны мои письма, но они искренни»...

² Отец их, Василий Дмитриевич, был сумасшедшим.

³ Окрестная молва приписала поджог его самим владельцам, сделавшим это якобы из «дипломатических» соображений. В доме, по словам крестьян, до последнего времени особо охранялась комната, в которой родился М. Е. Салтыков.

⁴ Некоторые крестьяне и вместе с ними Грязнова утверждают, что часть бумаг увезена Сергеем Васильевичем.

⁵ М. Е. Вакурова, оказывавшая нам содействие в разыскании салтыковских материалов.

⁶ «О Михайле и говорить нечего, я получила от него письмо, который своими благородными поступками меня так тронул, что я читая его письмо рыдала, он любит меня, как может любить только добрый сын, он без всякого возмездия готов уступить после отца часть, полагаясь совершенно на меня» (17 августа 1850 г.).

⁷ Любопытно, что слова «бог» и «господь» Д. Е. выделяет особым крупным шрифтом.